

Ответ на критику рецензентов

Александра Александровна Мартыненко, младший научный сотрудник Лаборатории антропологической лингвистики ИЛИ РАН / факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ORCID: 0000-0001-8561-3006

Электронная почта: amartynenko@eu.spb.ru

Для цитирования: Мартыненко, А.А. Ответ на критику рецензентов // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 1. С. 168–173.

Прежде всего хочу искренне поблагодарить всех рецензентов за внимательное, заинтересованное и очень разное чтение книги, а также отдельно Дмитрия Рогозина за организацию этой дискуссии — редкому автору выпадает столько внимания!

Для меня было важно увидеть, как мой текст прочитывается с позиций академического сообщества, людей, работающих в системе защиты детства, и исследователей, пришедших к книге из собственных полевых контекстов. Во многих откликах я увидела не только оценку, но и продолжение разговора о том, как мы сегодня понимаем органы опеки, бюрократию и заботу о детях.

Отдельно хочу отреагировать на замечания о жанре и методологии. Книга выросла из многолетней полевой работы, но изначально задумывалась не как академическая монография и не как художественный роман, а как гибридный, исследовательски обоснованный, но все-таки публичный текст — своеобразная попытка рассказать о работе органов опеки языком, который будет понятен и профессиональному, и «широкому» читателю, хотя мне трудно определить, кто попадает в эту категорию, если она вообще существует. В этом

смысле книга не является исследованием в строгом академическом смысле и не претендует на выполнение всех жанровых требований монографии. На первой странице книги можно увидеть посвящение моему папе, и в данном случае это вещь совсем не ритуальная — я действительно представляла моих родителей, сестер и близких людей, не интересующихся антропологией, но внимательных к разным проявлениям нашей жизни, как основных читателей.

Часть критических замечаний показывает, как непросто в нашем академическом поле нарушать границы привычных жанров: если ты исследователь, научный сотрудник чего бы то ни было, от тебя ожидают прежде всего диссертацию и монографию, а не текст на стыке этнографии, личного опыта и почти художественного рассказа. В терминах Пьера Бурдьё этот конфликт во многом происходит вокруг легитимных форм высказывания в научном поле, где символический капитал и право говорить «от имени науки» закреплены за определёнными жанрами, ритуалами и принятым порядком их следования, а всё, что выходит за пределы этой доксы, легко оказывается заподозрено в «недостаточной научности» [Бурдьё, 2018]. И не всем представителям этого поля науки симпатично, как и в каком жанре и стиле высказываются отдельные индивиды от имени целого цеха академиков. Мне кажется показательной лёгкое, едва заметное напряжение вокруг моей книги — насколько часто от исследователя ждут речи только в одном регистре и в одном формате, и как тревожно воспринимаются попытки изменить оптику и попробовать другой способ рассказать о поле. Для меня же этот эксперимент с жанром — не отказ от академических форм, а попытка на время сдвинуть границы допустимого в нашем поле, чтобы сделать видимыми опыт опеки и людей, которые в нём живут и работают, за пределами узкого академического круга.

В этом же ключе важна и история появления книги. Во-первых, я нарушила тот ритуальный порядок, который в российской академии считается рационально-последовательным: сначала необходимо защитить диссертацию, затем написать монографию, а уже потом, получив все положенные «знаки отличия», позволять себе более свободные жанры. Я пошла по другому пути (диссертация моя до сих пор

не защищена) не потому, что пренебрегаю академическими требованиями, а потому, что у меня появилась неожиданная возможность сделать поле, с которым я работаю, видимым для более широкой аудитории. Во-вторых, я не искала издателя специально: о моей антропологической работе в органах опеки Фонду «Хамовники» рассказала моя коллега Олеся Меркулова, за что ей благодарна! Именно после этого фонд предложил поддержать написание книги для неакадемического читателя. Я восприняла этот жест как редкий шанс рассказать о сложной теме, и решила им воспользоваться, понимая, что это будет означать и нарушение привычной карьерной последовательности, и выход за пределы ожидаемого жанра. Что же, решила я, скорее всего, книга уменьшит страдания этого мира и даст еще одну возможность рассказать другим, что существует среди нас каста низовых бюрократов.

В рецензиях справедливо звучит ожидание большей прозрачности методологической рамки: объём и длительность полевой работы, принципы выбора эпизодов, границы между документальным и собирательным случаем, способы фиксации данных. Я согласна, что часть этих вещей осталась имплицитной и находит свое разрешение только в послесловии и примечаниях; это важно учесть в будущем. Вопрос же о границе между фактом и вымыслом, который поднимают некоторые рецензенты, действительно ключевой. Я нахожу небесполезным еще раз воспользоваться фразой из обсуждаемой здесь книги: «...текст основан на реальных событиях и все персонажи вымышлены, и любые совпадения случайны. Все описанные ситуации опираются на реальный полевой материал, но многие персонажи и эпизоды являются как бы коллажем из нескольких случаев, сфокусированным в одной сюжетной линии, чтобы сохранить анонимность людей и учреждений, а также показать типичные ситуации в их плотности и противоречивости. Ни одна сцена не придумана „с нуля“, но я понимаю, что без дополнительных пояснений сама процедура „сборки“ случаев может выглядеть непрозрачной. Я благодарна за то, что это было замечено: это побуждает меня более развернуто описывать такого рода художественные решения. Однако отмечу, что именно художественные. В академических текстах я придерживаюсь иной логики де-

монстрации социальной реальности, что, впрочем, легко обнаружить, если найти мои академические статьи на знакомую читателям тему органов опеки».

Много откликов было связано с моей исследовательской позицией по отношению к сотрудницам органов опеки. Часть рецензентов видит в книге прежде всего попытку «оправдать» работников системы и недостаточно явную критику института в целом; другие, напротив, подчеркивают важность того, что я показываю опеку как пространство постоянных моральных дилемм и внутреннего конфликта. Моя задача в этой книге была не в том, чтобы занять позицию прокурора или адвоката, а в том, чтобы показать, может быть, банальную (в особенности для антропологов), но все же остающуюся для меня важной истину — всюду живет сложная жизнь. Как бы мы не разбирали ее на кусочки, она все еще сложна, но сам процесс разбора дает нам возможность любования этой мозаикой.

Однако с тем, что я занимаю в книге ангажированную позицию, скорее склоняющуюся в сторону защиты сотрудниц, спорить не буду — действительно занимаю, поскольку сочувствие оказывается частью моего познавательного процесса. Возможно, более явная артикуляция этой рамки могла бы сделать авторскую позицию менее двусмысленной.

Отдельный и очень чувствительный вопрос касается того, как в книге выглядят семьи и дети, с которыми работают органы опеки, и не воспроизводит ли текст стигматизирующие категории. Мне важно пояснить, что использование внутренних классификаций («адекватная/неадекватная», «наша/не наша» и т. п.) — это попытка показать именно служебный язык и то, как через него проводится граница между «нормой» и «отклонением» в практиках опеки. При этом я разделяю тревогу рецензентов: даже критически выписывая эти категории, автор всегда рискует невольно их закрепить. На уровне исследовательской работы я старалась максимально полно показывать контекст жизни семей, их уязвимость, бедность, хроническую нестабильность как следствие более широких социально-экономических процессов, а не индивидуальных пороков. Но я вижу, что в формате короткой книги это не всегда считывается столь же объемно, как в поле,

и благодарна за то, что этот риск был проговорен — это то, к чему я буду внимательнее относиться в дальнейшем.

Очень важными для меня были рецензии коллег из самой системы защиты детства. Юридически выстроенный взгляд, который акцентирует внимание на описаниях практик, потенциально противоречащих закону, помогает увидеть, как по-разному читается один и тот же текст. Для меня было принципиально важно описать опеку «как она есть» — включая серые зоны, нарушения, неофициальные договорённости и способы делать вид, что игра идёт по правилам. Ведь именно эти практики составляют ткань повседневной жизни учреждения. Я ни в коей мере не предлагаю их как норму или руководство к действию и полностью разделяю мысль о том, что право и строгие процедуры могут быть ресурсом защиты детей, а не только ограничением. Надеюсь, что книга может стать поводом для профессионального разговора внутри системы — о том, какие условия, нагрузки и организационные требования толкают работников к подобным решениям, и что должно измениться, чтобы у них было больше возможностей действовать и законно, и по-человечески.

Наконец, я очень ценю те рецензии, в которых прозвучало, что книга побуждает читателя задуматься о собственном опыте и взгляде на органы опеки, о возможных проектах переустройства системы, о сложной смеси формализма и эмпатии в работе низовых бюрократов. Для меня это, пожалуй, главный комплимент: я действительно надеялась, что этот текст будет не только «про опеку», но и про наши способы видеть государственные институты в целом — как набор форм, регламентов и одновременно живых коллективов, внутри которых люди пытаются жить и работать. Некоторые читатели разглядели за сюжетом об органах опеки и разговор об устройстве академии, что тоже оказывается для меня важным.

В завершении позволю себе рассказать об одном фрагменте из третьей главы буддийского текста «Саддхарма-пундарики сутра», более известного как Лотосовая сутра [Сутра Лотоса, 2001]. В этой главе речь идёт об *упайях*, умелых и разнообразных средствах, которые применяются для того, чтобы помочь живым существам и облегчить их страдания. Рассказывается следующая притча: пожилой отец, приехав к свое-

му дому, находит его охваченным пламенем. Все горит, здание полыхает, а внутри, будто не замечая огня, играют его собственные сыновья. Отец сперва кричит им — дом горит и нужно немедленно выйти из него! Но дети не понимают ни того, что дом горит, ни смысла выходить из него. Тогда отец вспоминает, какие игрушки любит каждый из сыновей, и обещает дать их немедленно, как только дети покинут горящий дом. Лишь услышав это, дети выбегают из огня.

В буддийской традиции этот сюжет трактуется следующим образом: иногда, чтобы спасти или сдвинуть кого-то с места, необходимо говорить на том языке и в том жанре, которые вообще способны быть услышаны — это и называется умелым средством, упайей. И средств таких великое множество. В этом смысле я думаю и о своей книге: не как об окончательной, «правильной» форме представления исследования органов опеки, а как об одном из таких умелых средств — гибридном, более повествовательном тексте, который позволяет вывести разговор о работе органов опеки из узкого академического «дома» в более широкое пространство, где его могут услышать практики и читатели вне академии. Мне важно, что эта книга отличается от ожидаемой монографии — в том числе и ради того, чтобы вообще начался разговор о «горящем доме» социальной политики и повседневной бюрократии, который потом может продолжиться и в более строгих академических формах. В этом смысле я ещё раз благодарю всех рецензентов, которые утвердили меня в намерении защитить диссертацию, ведь, как кажется, большой академический текст на эту тему seriously востребован.

Литература

1. Бурдые, П. *Homo academicus* / Пер. с фр. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлёвой, Д. Ж. Кондовой, Е. В. Кочетыговой, О. О. Николаевой, Н. В. Савельевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
2. Сутра Лотоса сокровенного Закона (Мяо Фа Лянь Хуа Цзин) / Пер. с кит. А. Н. Игнатовича // Религии Китая: Хрестоматия / Под ред. Е. А. Торчинова. СПб.: Евразия, 2001. С. 377–403.